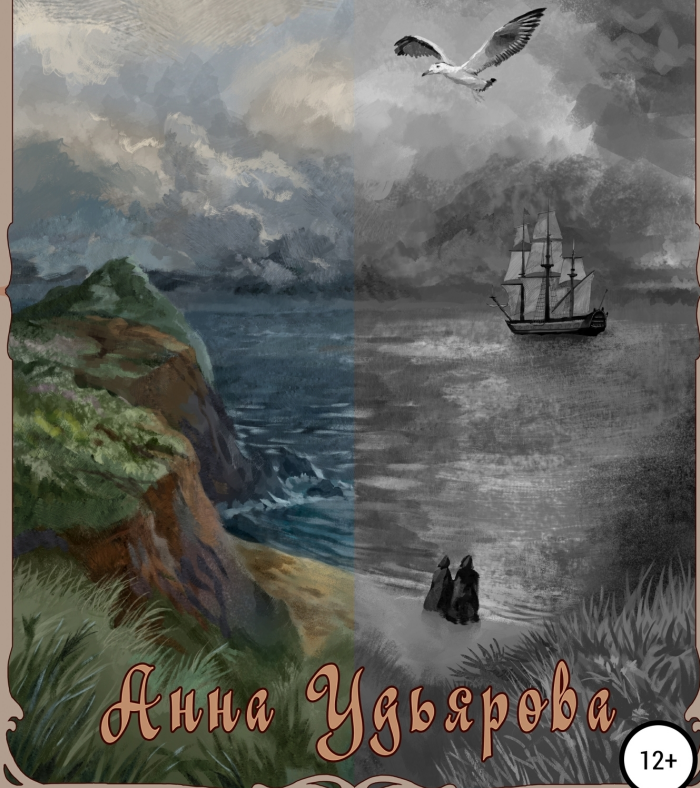

ad realiora

Остров Укенор

Анна Удьярова

12+

Анна Удьярова

Остров Укенор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42602542

SelfPub; 2019

Аннотация

Вторая книга о Шестистороннем Королевстве. В этом мире существует реальнейшее – место, где возможно всё, что кто-то очень хочет (что кому-нибудь нужно). Люди, которые могут попадать в реальнейшее и влиять на реальность, называются мастерами того явления, которое становится для них самым важным (например, Музыки, Слов, Игры). В Королевстве снова происходит что-то неладное: возрождается тайная служба птичников, преследуют мастеров, запрещают писать на стенах... Мастер Реальнейшего возвращается в столицу, чтобы защитить город и мир, но самое сложное – это понять, от кого. Художник обложки – Дмитрий Исакевич.

А. К., И. С., Р. М., О. А., А. Я., Д. Ф., М. М., Ю. Т., М. К.,
А. Н.,

А. К., А. Г., Т. В., Я., В., М., Ю. М., С. К. и всем, настоящим и будущим,

читателям первой части истории Шестистороннего Королевства

Птицы всех разновидностей наличествовали в изобилии, и мы с восторгом швырялись в них камнями и комьями земли. Особенно малиновок, пользуясь их доверчивостью, мы уничтожали в несметных количествах. А гнезда жаворонков, заполненные яйцами, ещё тёплыми от материнской груди, мы с особенным наслаждением растапывали ногами в пух и прах в соответствующее время года.

Но главными нашими друзьями были крысы, жившие за ручьём. Длинные такие, черные. Мы приносили им такие яства с нашего стола, как сырные корки и вкусные хрящички, ещё мы притаскивали им птичьи яйца, лягушек и птенцов. Восприимчивые к этим знакам внимания, они сновали вокруг при нашем появлении, выказывая доверие и признательность, взбирались по нашим штанинам и повисали на груди. Тогда мы усаживались посреди них и скармливали им с рук славную жирную лягушку или дроздёнка. Или же, внешне схватив упитанного крысёныша, отдохавшего после

трапезы у нас на животе, мы отдавали его на растерзание его же мамаше, или папаше, или братцу, или сестрице, или ещё какому-нибудь менее удачливому родственничку.

Именно в таких случаях, решили мы после обмена мнениями, мы становились ближе к Богу.

С. Беккет. Уотт

Пролог

Форин, бывший Мастер Реальнейшего.

Флейтист, бывший Мастер Игры.

Каменистая дорога в пустыне, освещённая лучами уходящего солнца. Вдалеке виднеется единственное засохшее дерево. Форин и Флейтист медленно идут по дороге, то и дело оглядываясь.

Флейтист (*вздыхая*). Нет, эти декорации мне не нравятся... То ли дело в Шестистороннем, помнишь? Всё это... великолепиие! Города, горы... Море, наконец!

Форин усмехается и идёт быстрее. Флейтист пытается не отставать.

Флейтист. Послушай, я знаю... знаю, что ты сердит на меня... и понимаю, что у тебя... что для этого есть некоторые... основания. Но... даже по меркам Шестистороннего... прошло уже столько лет... ты мог бы... мог бы... Да подожди же ты, стой!

Форин, ушедший вперёд, садится на дорогу, скрестив ноги.

Флейтист догоняет его и, помедлив, садится рядом.

Флейтист. Так вот, за всё это время. Ты не сказал мне ни слова. Это невозможно. Даже камни в этой пустыне – и те проявили бы сочувствие. Я хожу за тобой, как пёс. А ты до сих пор не привёл меня к морю. А зачем иначе ходить за человеком? Если он даже к морю не приводит? Совершенно ведь незачем, да. Играть ты не хочешь... (*Опустив голову, неразборчиво бормочет.*)

Флейтист. Знаешь, я часто вспоминаю Шестистороннее. Нет, правда! Даже с людьми, представляешь? Скучаю, видимо. Интересно, как там королева справляется. И твой мальчишка – чем теперь занят? Ах да, он ведь одолжил все свои монеты Выбора тебе, теперь наверняка обрастает ракушками на маяке.

Форин поднимается и снова идёт к горизонту. Флей-

тист, ругаясь, плетётся следом.

Флейтист. Ну ладно, извини, больше не буду. Прости меня. Ты ведь тоже боишься, я знаю. Что мы здесь навсегда. На целую вечность. (*Усмехается.*) Как будто бывает половина. Или там четверть... Не может быть, чтобы вот так всё закончилось. Чтобы нас не забрали отсюда. Совсем. Никогда. Что никто не придёт, когда мы заплачем от отчаяния – а знаешь, я уже близок к тому. Я могу теперь поверить в кого угодно. Нет, правда, в любого, кто заберёт нас отсюда. А тебе, кажется, всё равно. Если бы мы играли в ту весёлую игру – помнишь, кто первым докажет, что он не галлюцинация, – ты бы уже давно проиграл, проиграл!

Форин останавливается и, улыбаясь, смотрит на горизонт пустыни. Флейтист забегают вперёд и заглядывают ему в лицо.

Флейтист. Ну что ты там видишь? Что? Там ведь ничего нет!

Форин. Море. Я вижу море. Мы ведь играем в игру «Кто первый увидит море», забыл? И ты проиграл. (*С улыбкой.*) И да, не плачь слишком громко, а то ещё явится хор тебя утешать.

Глава 1

Не своё место

Осеннее море медленно каменело. Становилось строгим, тёмно-серым и будто квадратным. Море взрослело – чтобы бесстрастно бушевать после Дня осенних привидений, когда можно становиться самим собой.

Надежды на крошки тепла, которые принцесса Лето ради забавы каждый год бросала земным птичкам из окна своей высокой башни, исчезали. Принцесса скучала, засыпала, чёрствый хлеб с глухим стуком выпадал из её тонких рук и доставался крысам. А птички, отчаявшись получить хоть немного пищи, умирали. У осенних сказок всегда был один и тот же скучный финал.

Унимо сидел на любимом месте Смотрителя Маяка – на окне, открытом горизонту. Если смотреть из этого окна, то маячная башня кажется кораблём. Как фрегат, на котором Нимо провёл несколько дигетов двенадцать лет назад, избегая после этого морских путешествий.

Новый смотритель маяка на Исчезающем острове занимал не своё место. Не *чужое* – поскольку тот, кому оно принадлежало по праву, навсегда исчез из этого мира, оставив щедрое наследство, – но именно *не своё*. Унимо улыбнулся этим скрипучим мыслям, и его улыбка была под стать: такая же старая и ржавая. Хорошо, что на маяке не было никого, кто мог бы выступить в роли критика улыбок. А ещё у нового

смотрителя не было никого, подобного Триксу, кто был бы способен научить его улыбаться правильно, не пугая единственное старое зеркало над умывальником, которое время-нами ворчало голосом Мицы: «Только посмотри, что у тебя с лицом».

Осеннее море холодело с каждым днём, запахи мёртвых водорослей и мокрых камней мешались с мятой первых заморозков, принесённой с побережья Островной стороны.

Нимо плотнее закутался в старый зелёный плащ и вспомнил страшный сон, который приснился ему утром, когда он спал, как все смотрители маяков, перевернув замершие песочные часы ночи. Возможно, из-за того что смотрители не совпадали с другими людьми в этом чередовании сна и бодрствования, он и был так одинок. «Ну да, конечно!» – ещё одна неудачная улыбка. Трикс непременно расхохотался бы.

Во сне смотритель так же сидел на галерее маяка, вглядываясь в горизонт. Вроде бы это был сон, поскольку потом Нимо увидел Птиц. Белых птиц, похожих на чайк, но раза в два больше и с железными клювами-серпами. Птицы летели на свет маяка, как мотыльки на забытый в саду ручной фонарь. Но вместо того чтобы погибать, как и полагается созданиям, бездумно стремящимся к свету, они залетали в широкие окна галереи и набрасывались на беззащитного зрителя. Нимо во сне забрался под стол, опрокинув масляную лампу, но это не помогло: Птицы хлопали крыльями и резали воздух клювами. Мир состоял из мельтешения белых

крыльев (и запах, запах мокрых перьев – этот запах беды!) и лязга голодных клювов. Впрочем, усилия чаек-переростков не были бесплодными: они не один раз достали трусливого зрителя в его убежище. Больше всего досталось рукам, которыми Унимо из последних сил закрывал лицо. И мысли были всё такие простые: чтобы не задела глаза, чтобы не вцепились в волосы, чтобы не поняли, что ещё живой...

Вытянув перед собой руки, Нимо рассматривал в свете ярких ламп длинные багровые линии, проведённые по коже кистей, пястей и пальцев, неровные из-за застывшей крови. Шкура животного, по ошибке такая тонкая и непрочная, легко принимающая отпечаток любой жестокости. Тот, кто создал этот холст, наверняка знал толк в современной живописи. И в боли. Третья за ночь улыбка предназначалась Ему.

Стряхнув сонную оторопь, Нимо спрыгнул с галереи, проверил лампы и отправился ставить на огонь чайник. По пути прихватил листы, исписанные прошлой ночью: пойдут на растопку очага. На полях черновиков переводов с синтийского и заметок по хронологии летописей Шестистороннего щерились пришедшие на запах крови бесполезные строчки. Их Нимо сожжёт с особым удовольствием.

*Окна, снаружи
покрытые солью
ушедшего моря.*

*Покрытые кровью
чудовищ, которые
ночью отчаянно бились
в твои безответные стёкла,
попались в сети зари
и сдохли...*

Вода из бочки, как всегда, пахла старым деревом и морем. Унимо набрал чайник, зажёл огонь в очаге – воспроизводя этот нехитрый ритуал, слишком простой, чтобы на нём можно было сосредоточиться и спрятаться от мыслей. Мыслей-чаек. Чаек-переростков с острыми клювами.

Кофе давно закончился. Мица обещала привезти, когда они с мужем поедут на ярмарку урожая в Навитер – ближайший город Островной стороны, в котором кофе не отдавал утренним уловом.

Мица. Нимо смотрел в огонь, ожидая, пока закипит вода. Мица приходила вчера с шестилетней Фиолой, они так же сидели и ждали, пока приготовится чай. Унимо водил девочку полюбоваться видом с галереи маяка, тонкими стёклами ламп и огромной изогнутой линзой – ей, казалось, никогда не надоедало это единственное развлечение, которое мог предложить «дядя Нимо». Она спрашивала про дельфинов, и про корабли, и про ночь. То, что смотритель мог не спать ночью, было для Фиолы, видимо, неоспоримым доказательством избранности и недостижимой мечтой.

Мица приходила к смотрителю маяка два или три раза в месяц, приносила почту и договоры, сыр, хлеб, сушёные травы, передавала просьбы из посёлка. Они, как взрослые, пили чай и обсуждали погоду (о, эта тема у моря была неисчерпаема!) и нехитрые новости местных жителей. Иногда вспоминали Трикса, совсем редко – Форина, никогда – Мицу и Нимо.

Как-то давно, ещё в другом мире, Мица сказала, что Нимо уедет с маяка. А она останется. Она и осталась. Спустя пять лет вышла замуж за молодого рыбака (Нимо даже был на свадьбе – он помнил раздражающее ощущение песка в надетых по случаю новых ботинках, когда он вместе с другими плёлся вдоль берега в праздничном шествии, держа на нитке рвущегося в небо воздушного змея с блестящим на солнце хвостом), переехала от отца-старика Петрела, который стал ещё более угрюмым и теперь почти не выходил из дома, через год – родила дочку, а сейчас ждала второго ребёнка. Она осталась, да.

Сначала Унимо пытался общаться с жителями посёлка, но потом, устав наткаться на отражение Форина в каждом их взгляде, стал всё реже приходить на большую землю. А затем и вовсе ограничился походами к Петрелу за новыми письмами для перевода и припасами. Мица сначала пыталась выманить Унимо, звала его гулять, притворялась, что всё как раньше, как в детстве. Потом обижалась. А потом поняла, что её друг действительно уехал – и тогда первый раз почув-

ствовала, какво терять друзей, впервые чуть отошла в сторону и с научным любопытством смотрела на себя, одиноко сидящую на скалах там, где тонкой линией протягивалась узкая песчаная полоска от Исчезающего острова. В нужное время появился молодой красивый рыбак, который не собирался никуда уезжать – разве что на ярмарку в город, чтобы продать сушёную рыбу и купить янтарные бусы для самой красивой девушки побережья.

Чайник вскипел. Задумавшись, Унимо машинально протянул руку и тут же одёрнул её, наткнувшись на горячий железный бок. Хранитель реальнейшего часто так обжигался. Реальность была строга, как будто он тянулся за счастьем, а не за парой кружек горячей воды с запахом летних лесных трав.

Когда бледный рассвет нехотя выбрался на небо из-под одеяла моря, Унимо потушил неуместные лампы и тут же заснул, положив голову на стол рядом с остывшим чаем.

Но насладиться дневным отдыхом зрителю маяка не дали: не прошло и пары часов, как он проснулся, заслышав посетителей. Эхо маячной башни сообщило, что их было двое, они поднимались по длинной спирали лестницы быстро и уверенно, как не поднимался на маяк никто из посёлка.

Впрочем, Унимо ошибся: один из незваных гостей был местным жителем. Примар рыбацкого посёлка Томэр Стор,

с которым зритель виделся всего несколько раз (и всегда это были случаи, когда жителям угрожала опасность и требовалась срочная помощь), осторожно поднялся на галерею и замер у входа, испытывая очевидную неловкость. Раньше он никогда не приходил на маяк сам, присылал кого-нибудь из подросших сыновей. Тар Томэр удивлял Унимо своей деятельной силой и предприимчивостью. «Мастера реального» – называл таких людей Форин. С долей уважения, которое редко доставалось от него кому-нибудь вне реальнейшего. И всё равно Нимо, признавая за ними право на реальное, не мог до конца доверять людям, которые так демонстративно не сомневаются ни в чём. Возможно, каждый такой человек просто хорошо прятал все сомнения, как сказочный колдун Лесной стороны прятал свою смерть. Унимо не знал, поскольку не считал себя вправе искать намеренно скрытое – во всяком случае, без необходимости.

Другой посетитель вёл себя куда более уверенно, хотя и в рамках снисходительной вежливости. Он сразу, как только поднялся, сделал несколько шагов в сторону Унимо, кивнул и сказал:

– Доброго утра, лори Ум-Тенебри. Простите за беспокойство. Шэйлир Оре Лейтери, недавно назначен королевским квестором при наместнике Островной стороны – вот, объезжаю все поселения.

Лори королевский квестор был высок, строен, одет в удобную и изысканную дорожную одежду точно по размеру – и

будто весь мир так же был ему точно по размеру. Лицо его любому, кто в своё время имел дело с птичниками, не оставило бы сомнений в том, что он из этой породы. И хотя Общество Королевских Птицеловов было распущено на следующий день после вступления на престол королевы Тэлифо, с уничижительными формулировками «за превышение дарованных полномочий, незаконные преследования подданных Шестистороннего Королевства, в том числе приведшие к трагическим последствиям», но птичники, очевидно, никуда не делись. Все двенадцать лет у затворника-смотрителя просто не было случая в этом убедиться – а теперь, верно, пришло время.

Бросив взгляд на хмурого Томэра, Нимо едва не шагнул назад, к стене: казалось, лори квестор сразу занял изрядную часть пространства на галерее и не собирался отступать. Унимо постарался как можно быстрее отыскать одну из сотен невозмутимых улыбок Форина, словно актёр, опаздывающий на представление и на ходу цепляющий бумажную бороду.

Обдумывая ответ, смотритель отказался от вариантов предложить располагаться (он никого в гости не приглашал!), спросить, чем обязан неожиданному визиту (он не должен спрашивать то, что ему и так обязаны сказать), поэтому просто молча изобразил готовность слушать, раздражаясь ещё и от того, что теперь жители посёлка будут знать о его шейлирском происхождении.

Лейтери, не встретив заискивающего фальшивого гостеприимства, обычного для тех, к кому он приходил в качестве квестора, на мгновение сбился, но тут же понимающе улыбнулся:

– Мы постараемся не занять много вашего времени, лори.

Унимо всё-таки указал на табурет и кресло в углу – всё, что было на галерее, – а сам устроился на окне, больше напоминающем раму для морского пейзажа.

– У вас тут очень красиво, – вежливо заметил шейлир. Но никто его не поддержал, поэтому ему пришлось продолжить: – Я просматривал книгу жителей посёлка и с удивлением обнаружил, что вашего имени там нет. Мне даже пришлось пересмотреть книгу дважды. У меня были точные сведения из Тар-Кахола о месте вашего пребывания – ну, понимаете, такие люди, как вы, имеют особое значение для Королевства, – тут его улыбка стала таинственной, а Унимо словно вылили за шиворот кружку ледяной воды, – и вдруг, представьте себе, я не нахожу вашего имени в списке местных жителей. Хотя, как вы, конечно, знаете, по Правилу для поселений каждый, кто останавливается в какой-либо местности Королевства более тридцати шести дигетов непрерывно, должен быть внесён в книгу жителей, – тут лори, очевидно довольный этим обстоятельством, впервые взглянул на примара, неловко пристроившегося в кресле в углу.

Разумеется, Унимо никогда не задумывался об этом. Его практическое знакомство с законами Королевства закончил-

ся давным-давно, когда в Ратуше Тар-Кахола ему отказали в поиске работы из-за его шейлирского титула. С тех пор он не мог даже подумать, что к чему-либо из его мира можно применить вот эти чудовищные слова, которые с таким серьёзным видом произносил квестор.

– Поэтому, – выдержав паузу, продолжал Лейтери, – для установления меры вины тара примара в указанных нарушениях, обстоятельств, тому способствовавших, и мотивов, побудивших к этому деянию, я непременно должен был встретиться с вами.

На мгновение Унимо показалось, что это неудачная шутка. Но примар Томэр действительно был напуган, хотя и старался держаться со всем самообладанием рыбацкого характера.

Нимо разозлился: ему надоел этот глупый разговор, эта пустая трата времени, эти замысловатые угрозы. Захотелось освободиться от этого душного квестора. Вдохнуть воздуха реальнейшего.

– В таком случае могу вас заверить, лори королевский квестор, что это полностью моя вина, – притворно погрузнел Унимо. – Я отказывался сообщать тару примару своё имя, хотя он много раз просил меня это сделать, поэтому никакой возможности записать меня в книгу жителей не было, кроме как под чужим именем, что, согласитесь, недопустимо. Не могу сказать, что я сожалею, поскольку слышал ещё в детстве, что подданные Шестистороннего могут пере-

мешаться между землями и сторонами по своему усмотрению, не спрашивая дозволения кого бы то ни было, и у меня есть надежда, что это и до сих пор так.

На самом деле, примар никогда не спрашивал ничего подобного. С тех пор как исчез Форин, жители посёлка вообще не докучали вопросами новому смотрителю – и его это полностью устраивало.

Квестор был рад началу разговора. Он оказался в своей стихии.

– Конечно, лори Ум-Тенебри, вы совершенно правы. Запись в учётной книге производится исключительно для нужд королевских служащих и не имеет цели ограничивать права подданных или контролировать их перемещение. Но хочу сообщить вам, лори, что все жители посёлка, кроме вас, записаны в книгу. Это выглядит очень похожим на злоупотребление положением, хотя и объяснимым, но едва ли оправданным.

Унимо прикрыл глаза. Чтобы почувствовать равновесие, покачнуться, но устоять на шатких мостках через весенний ручей. Вода играет, пробует свои молодые силы, плавится на солнце, но это обманчивое тепло: пока ещё слишком ранняя весна...

– Я думаю, что у вас уже достаточно сведений для того, чтобы принять решение, лори квестор, и если других вопросов ко мне нет...

Квестор улыбнулся – и Унимо, покачнувшись, упал в ле-

дьяную воду. Нет, так просто этот бывший птичник уходить не собирался, глупо было надеяться. Он из тех людей, у которых *всегда есть вопросы*.

– Лори Ум-Тенебри, ещё один небольшой вопрос, связанный, впрочем, с предыдущим. Хотелось бы уточнить основания пользования этим... хм... жилищем. Маяк принадлежит казне, как любое сооружение древнее двух сотен лет. А любой, кто пользуется таким имуществом как своим, должен получать письменное разрешение полномочного претора и уплачивать взносы. Могу ли я взглянуть на ваше разрешение?

Унимо мысленно отправил квестора к Окло-Ко. А сам вспоминал Форина, его точные движения, холодные усмешки. Интересно, посмели бы они явиться вот так к настоящему Смотрителю? Вспомнил и Трикса – даже взглянул в тот угол, в котором так любил сидеть немой, используя любую возможность выразить болтливым людям своё презрение.

Квестор ещё что-то говорил, но слов не было – Унимо видел только старательно вылепленные интонации, а потом и они исчезли, растворившись в мерных ударах волн.

Нимо закрыл глаза. Форин был здесь, рядом, стоял в недоумении, что кто-то занял его любимое место на окне. С ним ничего не случилось – да и что могло случиться с Мастером Реальнейшего в любом из миров? Лицо Смотрителя в свете ламп было бледным, словно крыло чайки в свете луны. Унимо усмехнулся своим наивным сравнениям, но тут же

услышал звук, с которым крыло взрезает воздух. Чайки из сна – они возвращались. Они были неподалёку, стремились к маяку, не в силах противостоять его фотонному зову... Нимо ощутил волну злой радости, представив, как огромные птицы набросятся на самодовольного квестора, сдёрнут с него маску привыкшего только спрашивать, заставят отвечать страхом на бессловесные вопросы длинных острых клювов. Взорвут кожу, доберутся до беззащитных костей, заливая пресный мир квестора мятным сиропом боли...

И тут примар, набравшись, наконец, смелости, негромко кашлянул и решился вступить в разговор:

– Лори квестор... Разрешение полномочного претора есть, у нас в архиве. Выдано на смотрителя маяка. На смотрителя, без указания имени. А взносы мы ежегодно во время осенней ярмарки платим, из казны посёлка...

Смотритель открыл глаза и с удивлением взглянул на примара. На мастера реального, который, сам того не ведая, спас заносчивого квестора.

– Я вынужден буду проверить, тар Стор, все ли жители посёлка разделяют вашу уверенность в необходимости тратить казну на поддержание маяка, который не указывает путь ни одному кораблю...

– Довольно! – Унимо прыгнул с окна и смотрел прямо на квестора, не скрывая своего раздражения. – Вы и так сказали слишком много, лори Лейтери. Здесь, на маяке, *который не указывает путь ни одному кораблю*, это не принято.

Квестор поднялся, сохраняя ту самую улыбку, которая потом снилась его незадачливым собеседникам. Ту, от которой – жди беды.

– Разумеется, здесь всё устроено *по вашим правилам*. И никто не смеет вам перечить, даже вот тар примар покрывает вас.

Не дать квестору уйти. Не позволить ему так безнаказанно ухмыляться на маяке! Окунуть его с головой в реальнейшее и смотреть, как он будет захлёбываться, смешно разевая рот... Нет, Унимо не думал об этом всерьёз, не думал (ведь не думал?). Лучше уж злиться на себя: привык жить в своей раковине, самодовольный моллюск! Забыл, что кто-то может прийти и вытряхнуть тебя, и наблюдать, как смешно ты сокращаешь чувствительное тельце, жалкий, лишённый убежища.

Сердце колотилось камнем в железной банке, выброшенной на берег прибором.

Краем взгляда Нимо заметил длинное белое перо, которое порыв ветра бросил в окно галереи. Это была удача, это было спасение: он смотрел на стержень и опахало и размышлял о том, как перо южного альбатроса могло оказаться так близко к берегу. Если бы перо было с тёмными пятнами, то было бы понятно: северные альбатросы часто пролетали над Исчезающим островом, устремляясь домой после путешествий в тёплые края. Но ведь перо было абсолютно белое...

Лори Лейтери, вероятно, понял, что ему больше ничто не

угрожает.

– Не зря мне советовали быть осторожным, – сообщил он, отступая к лестнице, по которой уже спускался, уходя по-синтийски, осмелевший примар. – Но берегитесь, лори Ум-Тенебри, ваше время вышло.

Как много лет назад, Унимо сидел на полу галереи, прижимаясь спиной к стене – так, чтобы никто снаружи не мог бы его увидеть. Не мог бы насладиться зрелищем беспомощного Мастера Реальнейшего, который вдруг скорчился на полу, не выпуская из рук длинное белое перо.

Унимо закутался в тёплое тёмно-зелёное покрывало, которое в прошлом году подарила Мица, и выбрался на галерею маяка с кружкой крепкого травяного чая. Солнечные лучи, выжатые в кружку. Компресс на сердце. Которое теперь стучало через раз, не попадая даже в ленивый ритм волн.

Кто из них ни обернулся белой птицей и потерял перо – отец ли, Форин, кто-то ещё, – он спас квестора. А Унимо должен теперь спасти себя сам. Как умеет.

Подумать только – у него требуют налоги, разрешение и прочее. Как будто он, Унимо, должен об этом думать. Какая наглость. Но он не мог ничего им противопоставить – даже не знал, что посёлок платит за него сбор. Не за него, впрочем, а за зрителя маяка. Маяка, который не указывает путь ни одному кораблю. Но за всё нужно платить – так, кажется, они говорят? Тем более за излишества и сказки.

Унимо устало прикрыл глаза и чувствовал на веках лёгкое касание неуловимого осеннего света, который то пробивался из-за низких туч, то снова исчезал. Вдруг стало совсем темно: на мгновение по лицу зрителя мелькнула тень.

Ласточка! Чёрный блестящий комок на камнях галереи. Откуда ей было взяться на осеннем Исчезающем острове?

Нимо всегда пропускал тот самый момент: слишком медленно двигались его веки. Вот и теперь – увидел только, как Тэлли поправляет сбившееся от ветра чёрное платье и медлит, поднимая взгляд. Очень медленно, так что он уже перестаёт удивляться, успевает перепроверить: ну да, всё верно, двенадцать лет не виделись.

– Привет, Нимо, – сказала она и хотела было обнять друга, но не решилась.

Неловкость незаконченного объятия. Птенец, который так и не смог взлететь, обречён на смерть.

Зачем сама королева Шестистороннего появилась на маяке на окраине Островной стороны – вот что было важно. Поэтому Унимо не думал о том, какой измученной выглядит Тэлли, как она нервно сжимает руки, как радостно и как невыносимо снова видеть её. И как не разбудить бы от такой встречи призрак Форина.

– Привет, Тэлли, – ответил зритель, собрав всё тепло, которое ему оставил осенний день.

Он сбежал из Тар-Кахола. Он хотел быть один. Он спрятался на маяке. Она охраняла это одиночество – только при-

сылала письма раз или два в год, на которые Унимо отвечал безобразно короткими записками.

– Нужна твоя помощь, – выдохнула Тэлифо.

– Чай ты не будешь, да? – обречённо уточнил Унимо.

Королева покачала головой. Не было времени. Если зритель согласится, она напоит его лучшим чаем или кофе в Шестистороннем. Только бы он согласился.

– В Тар-Кахале появился мастер, который может делать с людьми, что угодно. Понимаешь, совершенно что угодно, с любой толпой. И никто из нас не может его остановить. Он... непонятно, что ему нужно, но я сама его видела. Заглянула ему в глаза. Мне не было так страшно уже давно, с тех пор как исчез Флейтист. Но тот был игрок, а этот не играет. Он будет убивать просто так, потому что ему этого захочется... Мы не справимся без тебя.

В силе неизвестного мастера королева и члены Королевского Совета имели возможность убедиться лично. Тэлли и лори Мэлл – председатель Совета – получили одинаковые записки, автор которых предпринял все возможные меры, чтобы остаться неизвестным. «На открытии осеннего сезона в Королевском театре вас ждёт по-настоящему удивительное зрелище. Не пропустите». Мэлл сразу же, по своей привычке не советуясь с королевой, распорядился выставить охрану у театра, приказал лучшим квесторам прибыть на представление под видом зрителей и быть настороже.

На срочном совещании решено было попытаться не допу-

стить распространения слухов (отчасти это удалось) и выяснить, кто дерзнул угрожать королеве Шестистороннего и её Совету (эта задача оказалась непосильной).

Тэлли, повинувшись своей тревоге, пригласила Мастера Врачевателя. Она чувствовала, что автор записок – из реальнейшего. Поэтому хотелось, чтобы рядом был кто-то из сильных мастеров. Грави был так искренне рад неожиданному приглашению вечно занятой королевы, что ей стало совестно открывать истинную причину.

Сначала представление шло своим чередом. Грави, далёкий от театрального искусства, старательно разглядывал сцену, не замечая, как нервно озирается его спутница.

А потом, когда даже Мэлл немного успокоился, на сцену поднялся *он*. Ничем не примечательный молодой горожанин. «Что-то у вас тут скучно. Не хватает драматизма», – заявил он, усаживаясь в кресло, с которого вскочил перепуганный актёр. И тут же в проход между рядами рухнула огромная тяжёлая люстра с серебряными подсвечниками. К счастью, никто не пострадал.

– Вот так будет поживее, – улыбнулся он. И пояснил, повернувшись к публике: – Демонстрация искусственности этой границы, которая кажется такой незыблемой. Естественной. Ограждающей зрителей от всего плохого, что может произойти. Только за ней можно проявить великодушное сочувствие героям...

Паника не началась исключительно потому, что он не лю-

бил панику. Заставил зрителей замереть и молча смотреть на него. Те немногие, которым он оставил возможность что-то предпринять, тратили время на беспомощное оглядывание, поэтому он снова заскучал – и поджёг занавес.

Тэлли встала и направилась по проходу в сторону сцены. Грави бросился за ней.

В *его* глазах было пусто. Не за что зацепиться. Ничего не узнать. Нечем защититься. Тэлифо и Грави стояли на сцене безоружные, и запах горящего пыльного занавеса был невыносим.

– Мэйлири, – *он* изобразил в кресле галантный поклон. – Правда, вы раньше такого не видели? Все эти куклы, – тут он вполне театрально обвёл рукой зал, – слушают вас, но станут ли они за вас гореть? Станут? Не думаю. А вот смотрите – если я им прикажу сидеть и не двигаться, пока этот огонь не перекинется на стены зала, на эти бархатные тряпки, которыми здесь всё увешано, а вы будете стоять и смотреть, как тогда...

– Довольно! Чего вы хотите? – Грави шагнул вперёд, закрыв застывшую Тэлифо, которая всё пыталась что-то разглядеть в зрачках незнакомца.

– Мастер лекарь, – улыбнулся он, – невежливо вмешиваться в чужой разговор. Занимайтесь лучше своим делом, любитель безумцев, а к нам, нормальным людям, не лезьте.

Занавес рухнул с грохотом, но ни один зритель не моргнул, не вздрогнул.

Незнакомец захохотал и в несколько шагов-прыжков очутился около Тэлифо, тронул её за подбородок рукой в тонкой перчатке и, что-то быстро прошептав, скрылся за сценой...

– Он сказал, что в следующий раз мы встретимся на ярмарке Дня урожая на площади Рыцарей Защитника, и тогда мы увидим его во всей красе. А это уже завтра. Только ты можешь помочь, – повторила Тэлли.

Унимо смотрел на море. Он не знал, что сказать. Слова мешались с туманом у подножия башни, который с каждым осенним дигетом пробирался всё выше.

– Я не могу, – придумал он. – Если даже Мастер Врачеватель не справился, то я... почему ты думаешь...

Силы покинули Тэлифо резко, как сходит вода после высокого прилива. Весь ужас, пережитый в театре, надавил на плечи когтистыми лапами, зашептал ветром в уши злое, жестокое. Она не отказывает в помощи, она оберегает Тар-Кахол, как ей велел Форин, она делает всё, что ожидают от неё другие – и это не имеет никакого значения для неё самой. Они с такой лёгкостью отказывают ей, хотя она так редко о чём-нибудь просит.

– Форин не отказал бы. Не стал бы красоваться своими сомнениями, он бы...

Такого Унимо не ожидал. Он удивлённо посмотрел в глаза Тэлли, и она зажмурилась, потому что увидела перед собой взгляд мальчишки, которого выгнал из дома отец. Дважды. А потом – выгнал из своего мира Форин, да. И все знали,

что никогда новому зрителю не стать кем-то похожим. И Унимо это знал, мешая обвинения и горячие мольбы в письмах к Форину, которые тут же отправлялись в огонь. Письмах, о которых зритель не рассказал бы и под пытками.

Это был запрещённый приём.

Закономерное неотвратимое чудовище реальнейшего бесшумно бросилось на Тэлифо и смяло её...

Маленькая Тэлли сидит на высоком табурете в окружении сестёр приюта. Одна из них, самая строгая, цепко схватив воспитанницу за подбородок, отчитывает её: «Опять ты играла на дороге, посмотри, во что превратилось новое платье! Ты же девочка! Посмотри хотя бы на Литу, как она всегда аккуратно одета, ты хоть раз видела, чтобы она испачкала платье?» Воспитательница что-то ещё говорит, а Тэлли сидит и ждёт, и боится упасть с высокого стула, потому что перед глазами у неё какие-то зелёные круги, расплывающиеся от слёз... Снова приют, только несколькими годами позже: её вызывает на беседу начальница приюта. Даже предлагает чай, на что Тэлли привычно мотает головой. «Я хочу помочь тебе, – мягко говорит лири О-Тано, и её голос напоминает тёплое молоко. С пенкой. – От того, как мы себя ведём, зависит, как будут к нам относиться другие люди. Ты ведь понимаешь, – здесь лири тщательно вздыхает, – что для девочек из приюта это особенно важно. А ты ведёшь себя очень недальновидно. Вот взять хотя бы Матини: она не упуска-

ет случая показать себя, а ты дичишься любого постороннего...»

Унимо умел так – выдёргивать из темноты прошлого, как Форин не раз спасал его самого.

– Тэлли, перестань, всё хорошо, что ты, – он крепко обнимал её, пока она бесконечно шептала: «Прости, прости, прости».

– Проблема в том, – задумчиво произнёс Унимо, когда королева немного успокоилась, – что я так и не научился превращаться в птицу.

Тэлли засмеялась:

– Тогда я помогу тебе: едва мы окажемся в Тар-Кахоле, я угощу тебя кофе в «Кофейной соне». Хочешь?

– Это мне подходит, – улыбнулся Унимо. – Но сначала нужно попросить кое-кого присмотреть за маяком. Это недолго. Подождёшь здесь?

Тэлли с готовностью кивнула, удивлённо отметив: «Кое-кого»?

Унимо спустился с маяка, пробежал широкой в это время песчаной косой на берег и направился в сторону хижины на окраине посёлка. Загадочный «кое-кто» был всего лишь человеком, обязанным Мастеру Реальнейшего жизнью. Такие уж отношения связывали Унимо с реальным До отвращения деловые.

В хижине ещё не спали: окна наполнились медовым в мор-

ских сумерках светом. Унимо даже помедлил, любуясь мирной картиной – и ощущение того, что он пришёл её разрушить, заставило его скорее постучать. Когда Ноэ открыл и увидел на пороге зрителя, он улыбнулся так радостно, что любому стало бы не по себе.

Теперь Ноэ почти упирался головой в низкий потолок и, по меркам посёлка, мог бы уже жениться, но когда Унимо впервые его увидел, шесть лет назад, он был самым маленьким и самым несносным мальчишкой на побережье. И одна проделка едва не стоила ему жизни. Тогда он придумал соорудить из камней и ручного фонаря свой маяк и установил его на Чёрных скалах. Началась буря (что, конечно, только раззадорило мальчишку), и одна из рыбацких лодок, ожидавшая условный знак – костёр на безопасном берегу, направилась прямо на свет игрушечного маяка к опасным Чёрным скалам. Только счастливая случайность спасла рыбаков.

Когда выяснилось, кто зажжёт предательский огонь, жители посёлка обступили Ноэ и намеревались столкнуть его в бурлящие волны, на острые камни. Мать Ноэ кричала, просила не трогать сына, но даже она знала: море не терпит легкомыслия, беспечность здесь равна предательству. Её сын был убийцей – и по всем законам он должен был отдать свою жизнь морю и людям. В глубине души (Унимо сказал бы – в реальнейшем) она уже оплакала его. Всё было понятно и просто.

И тут вмешался Унимо со своими прихотями. С пренебре-

жением к древним законам. Сначала он встал между морем и Ноэ. Потом между мальчишкой и толпой. «Отойдите, тар-лотер!» «При всём уважении, это наше дело», – звучали вокруг голоса рыбаков. Буря внутри и снаружи. Обжигающие капли дождя, ветер в лицо: такому реальному можно было доверять. «Я могу сделать так, что он окажется в лодке, которую буря несёт к Чёрным скалам. Это будет справедливо», – Унимо старался, чтобы его голос звучал спокойно, как у Форина в реальнейшем, когда возможно только то, что сказано.

Жители посёлка притихли, стали переглядываться. «Это будет справедливо», – повторил кто-то. Идея тут же сбросить мальчишку в море уже не казалась такой привлекательной. Да и отправлять его на лодке в бушующее море с этим странным смотрителем...

Дракон Толпы положил огромную пасть на лапы и закрыл один глаз...

Унимо протянул мальчишке руку, услышал доверчивое: «Спасибо! Меня зовут Ноэ, я не хотел...» – и оба они оказались на лодке, которую бросало из стороны в сторону и неумолимо влекло к Чёрным скалам. Потому что в реальнейшем нельзя говорить неправду. Во всяком случае, нынешний Мастер Реальнейшего этого не умел.

Ноэ тогда с ужасом смотрел на своего несостоявшегося спасителя. Человек, которые выкрадывает жертву из рук палача, чтобы самому совершить казнь – поступает слишком

по-человечески.

Унимо удобно устроился в лодке и спросил: «Так что, зачем ты зажёг огонь? Ты ведь знал, что в бурю разводят костры на безопасном для лодок берегу». «Я просто играл, – буркнул Ноэ, – я забыл! Не подумал об этом». Смотритель кивнул, видимо, удовлетворившись таким объяснением, задумчиво наблюдая зубцы Чёрных скал, которые медленно увеличивались. «Мы разобьёмся!» – не выдержал Ноэ, когда намерения зрителя стал очевиден. «Да? Почему ты так думаешь?» – Унимо изобразил искреннее любопытство. Ноэ покачал головой, но принялся объяснять: «Потому что волны, они несут нас к берегу. А мы ничего не делаем. А берег здесь – из острых камней, о которые нашу лодку разобьёт! И в такую погоду мы не сможем выбраться из воды». Тогда Унимо понял, что он мог бы как раз сказать: «Прекрасно, теперь, я вижу, ты всё обдумал». Или, например, изобразив удивление: «Да, и правда, а я *не подумал об этом*». Он вспомнил, как Форин, когда Унимо не уследил за маяком, показал ему гибель целого корабля, которая могла бы произойти по его вине. После этого Нимо действительно старался быть очень внимательным. Но ему стало тоскливо при мысли, что придётся говорить что-то такое. Это было не то, что он хотел произносить в реальнейшем. Поэтому Унимо молчал, к ещё большему ужасу Ноэ, а потом взял вёсла и стал изо всех сил грести в сторону от Чёрных скал. Ноэ тут же присоединился, и вдвоём, после часа изнуряющей борь-

бы с ветром, они вышли к безопасному берегу. Они были без сознания, когда их нашли рыбаки. После, насколько Унимо знал, Ноэ остался жить в посёлке, а историю с фальшивым маяком никто больше не вспоминал. Во всяком случае, вслух.

Ноэ пытался было навязать зрителю свою благодарность, но Унимо был непреклонен. Разве что разрешал иногда приносить себе чай и угощал этим чаем самого Ноэ, слушая обо всём на свете, и иногда, когда было особенно хорошее настроение, рассказывал что-нибудь или давал осторожные советы.

– Ноэ, мне нужна твоя помощь, – признался Унимо с порога.

Он вспомнил, что многие из тех, кто приходил к нему за помощью, сначала спрашивали «Как дела?» или заговаривали о погоде. И каждый раз ему хотелось выдернуть их в реальнейшее, но он послушно отсчитывал ничего не значащие слова, сдерживаясь, чтобы не попросить скорее сказать, что от него требуется.

Ноэ ждал этого момента все шесть лет:

– Конечно, Айл-Унимо! – лицо Ноэ было таким радостным, что Унимо не выдержал и увёл взгляд в сторону.

– Мне нужно уехать. Можешь, пожалуйста, присмотреть за маяком?

Теперь Ноэ стремительно помрачнел, но повторил:

– Конечно, да, я... не беспокойтесь.

И замолчал. Он всё ещё слышал «мне нужно уехать».

– Будет удобнее, если ты сможешь поселиться на маяке.

Там есть запас воды, еды, деньги, если что-то нужно будет, то можешь обратиться к Мице... – деловито припоминал Уни-мо.

– Айл-Унимо, всё будет в порядке. Я постараюсь, точнее.

Унимо улыбнулся. Подумал, что для Ноэ это может быть лишним доказательством того, что он заслуживает доверия. Но тут же отогнал эту мысль, поскольку обратился к своему должнику только потому, что знал: он не сможет отказать.

– А вы... надолго уезжаете? – наконец спросил Ноэ.

– Я не знаю, Ноэ, – покачал головой смотритель, – теперь я совсем ничего не знаю.

Тэлли, оставшись одна на маяке, думала о Форине. О том, как она часами сидела на галерее и любовалась его руками с длинными пальцами, что так точно разливали масло, протирали лампы – и застывали в нерешительности, когда их хозяин вынужден был что-нибудь говорить.

Чтобы не соскользнуть в прошлое, Тэлли стала думать о предательстве. О том, что ей снова приходится обманывать старых друзей. Нет, не так – это называется «не договаривать». Потому что незнакомец в театре на самом деле прошептал ей: «Приведите мне Мастера Реальнейшего. Иначе на ярмарке Дня урожая всё закончится не так скучно, как сегодня».

«А что ты хотела, дышать воздухом реального и никогда никого не обмануть?» – она почти услышала насмешливый голос Форина, но, к счастью, вернулся Унимо: промокший насквозь, но неожиданно весёлый. «Вот теперь самое время для чашки кофе, – улыбнулся он и произнёс про себя: – Я хочу оказаться в Тар-Кахоле с Тэлли».

Эпизодий первый

Форин, бывший Мастер Реальнейшего.

Флейтист, бывший Мастер Игры.

Комната без дверей и без окон, с белыми стенами. Форин сидит на полу и вертит в руках кубик Рубика. Флейтист ходит из угла в угол.

Форин. Опять твои скучные игры. Для бывшего Мастера Игры слишком много предсказуемого. И любопытства.

Флейтист. Ничего-ничего, начнём играть, а там ты втянешься. Вот как уже разговорился! Паникуешь, да?

Форин пожимает плечами.

Ладно, это ещё не вопрос, так, разминка. А вот теперь внимание, вопрос: ты скучаешь по Шестистороннему?

Форин (*помолчал*). Иногда.

Флейтист. Шучу, это тоже ещё не вопрос. Вопрос нам

задаст некий Унимо Ум-Тенебри из Тар-Кахола. Точнее, несколько вопросов. У нас что-то с видео, но мы дословно записали его вопросы, вот они. (*Делает вид, что перелистывает записи, монотонно читает.*) «Что мне делать, почему Форин бросил меня, что мне делать...» Ну и так далее. Скуучно.

Форин. Перестань.

Флейтист. Как скажешь.

Письма из Комнаты

Письмо первое (написано на тетрадном листе в клетку)

Здравствуй, сын! (Зачёркнуто.)

Эти письма – всё, что у меня есть, чтобы не сойти с ума. Я уверен, что никто их не прочтёт. И это, знаете, неплохой задаток для искренности. Записать, чтобы самому не забыть, не запутаться. Раньше я часто так делал. Иногда останавливался посреди улицы, доставал потрёпанный блокнот и записывал. А потом – открывал «заметки» в телефоне и печатал, но это было уже не так хорошо. И обычно ничего не перечитывал. Но теперь мне придётся. Перечитать всё, что я когда-либо написал.

А ещё мне кажется, что если я напишу, как было на самом деле, правдиво до последней точки – то меня, наконец, отпустят. Учитель проверит, кивнёт: «Да, всё верно». И позволит открыть дверь. Чтобы впустить её...

Впрочем, лучше по порядку, пока сознание моё ещё послушно глазам.

Если оглядеться, то можно понять, что я сижу в комнате. В своей детской комнате. С полками пыльных книг, короткой тахтой и бесценными сокровищами с помойки. Даже запах тот же самый: пыли и фруктовой жвачки – такой, в жёлтых фантиках с машинками-наклейками.

И вот в чём странность: на самом деле я уже умер.

Но опять забегаю вперёд... теперь это письмо – мой мир, и надо хотя бы здесь соблюдать видимость порядка.

Не знаю, кто, какой цезарь и за какие грехи меня сюда сослал, но это ужасно остроумно! Если отвлечься. Если бы это был не я. Нет, правда: отправить того, кто привык повелевать мирами, сидеть в своей детской комнате и ждать, пока родители соизволят сменить гнев на милость (и гадать: а вдруг родители вообще про тебя забыли?).

В моей голове до сих пор звучит это недовольное: «Иди в свою комнату!» А ещё вот: «Посиди подумай». Слышали вы такое в детстве? Признаться, я сам иногда говорил так Унимо, моему сыну. О, это наивное высокомерие! Подумай! Пойми, какой замечательный, интеллигентный отец тебе достался: не бьёт тебя, не кричит, а всего лишь просит подумать и не мешать взрослым. Разве это так сложно – вести себя удобно?

Теперь вот я сам сижу и пытаюсь «подумать». И ничего-то у меня не выходит.

Ещё немного условий задачи. У меня есть тело, но никаких потребностей, свойственных живому человеку. Чувствую лёгкость, как в детстве, когда почти не замечаешь, где заканчивается твоя рука и начинается крепко сжатый – так, что горькая белая кровь пачкает пальцы, – в маленьком кулаке одуванчик.

Весь мир стал теперь для меня «своей комнатой». Ребусом. Кубиком, Окло-Ко его обними, Рубика. Я чувствую, что должен разгадать эту загадку. Хотя иногда прихожу в отчаяние от мысли, что никакой загадки нет, я просто оставлен, забыт здесь, один, беспомощный, в этой пытке осознающей себя пыли, как что-то простое и понятное. А можно ли больше унижить человека, чем отказав ему в сложности? Как в том рассказе про ночь перед решающим экзаменом, когда студенты ужасно переживают – и весь день и всю ночь катаются на трамвае, ходят в театр и пьют вино. А потом оказывается, что дипломы им выдадут просто так – потому что это уже совсем не важно, на город всё равно надвигается эпидемия, все обречены...

Но я не жалуюсь: во всяком случае, не банька с пауками. Не колодец и маятник. И даже не Чёрная Храмина. А всего лишь детская комната. Вокруг – всё моё, до последнего найденного на улице солдатики-дезертира.

В тумбочке я обнаружил бесконечный склад видеокассет: как только берёшь одну, вместо неё сразу появляется другая. Сейчас таких уже нет – тоже привет из моего детства (такие чёрные кирпичи, деловито мотающие хрупкую хрустящую, как листы нори, плёнку). На них белые наклейки, на которых красным маркером неаккуратно написаны цифры. От одного и – мне пока не удаётся сосчитать, до какого числа. Из чистого упрямства я взял номер шесть и включил. Видеомагнитофон с довольным урчанием проглотил кассету, пожевал её, а потом выплюнул на экран изображение. Такое, как в моём детстве: зернистое, приглушённое, приятное для взгляда.

О, да, это была моя жизнь. Порезанная на куски, превращённая в плёнку бездарного фильма. И – да, они меня перехитрили: знали, что я из упрямства не буду смотреть по порядку, по хронологии, повинуюсь всесилию времени. И записывали они не по порядку.

Когда-то я действительно подумал о том, что было бы забавно снимать на камеру всю жизнь человека, а потом, в аду, заставить его пересматривать. И более скучного фильма никто не мог бы придумать. Чудо жизни. Уникальный сюжет. Красочные декорации.

Конечно, я выключил магнитофон. Достал кассету и бросил её об стену. А потом валялся на кровати, на короткой теперь тахте с Микки Маусом. Чёрно-белый мышонок отчаянно улыбался мне, перекошенный сбившейся простынёй. . .

Я жду, что умру по-настоящему.

Но смерть не приходит. Она стоит за дверью и прислушивается. Не звонит в звонок, только посмеивается в сморщенный кулачок. Когда она заглядывает в замочную скважину, я дёргаю неподатливую дверь, кричу: «Откройте! Ну откройте!» – и слушаю, как за дверью она играет куриной лапкой. Царапает гнилое дерево. Осторожно стучит. А потом – и это хуже всего – начинает хныкать и детским голосом просить впустить её.

Но дверь всегда закрыта кем-то снаружи.

Кем-то, у кого есть ключи.

Звук видеокассеты в магнитофоне.

– Унимо, иди в свою комнату, – Астиан устало посмотрел на сына. – Пожалуйста.

Серые в чёрную крапинку глаза были тусклыми от страха. Как речные камушки в пасмурный день.

– Я хочу к маме. Можно я подожду маму? – таким голосом спрашивают, зная ответ.

И Астиан разозлился:

– Нет. Уже поздно. Завтра пойдёшь к маме.

Титры: «Нимо уже знал, что «завтра» – это то, как взрослые называют «никогда». А «никогда» – это то, с чем ему не

справиться».

Нимо заплакал.

Титры: «Понимая, что это разозлит отца ещё больше».

Астиан молча взял сына за руку, отвёл его в комнату и закрыл дверь. Затем спустился вниз по крутой деревянной лестнице, зачем-то стараясь не скрипеть, огляделся и осторожно сел в кресло.

Она вернулась через час. Медленно, стараясь не шуметь, сняла туфли и на цыпочках стала пробираться через комнату – но тут заметила мужа и беззвучно рассмеялась. Он ответил кривой полуулыбкой.

Титры: «– У меня был знакомый птицевед, который подкармливал птиц в парке зимой. А потом увлёкся философией».

– И что?

– Ничего. Перестал подкармливать птиц.

– А у меня в детстве у меня был целый план по спасению Спасителя.

Сосед Астиана по залитой закатным светлым элем веранде ухмыльнулся. Вокруг был уютный приморский городок с домиками из лего, и не верилось, что где-то там бушевала настоящая жизнь.

– Да, мне казалось диким, что никто даже не попытался этого сделать. Просто так взять и сдать своего Бога толпе невежественных, глупых, злобных, трусливых, самодовольных палачей. И я придумал план. У меня всё было расписано по минутам.

– И что бы ты стал делать после?

– Об этом я не думал.

– А ещё раньше, в школе, мы, конечно, мечтали спасти Пушкина.

– Забавно. А мы Ван Гога.

– Это было бы несколько сложнее.

Они помолчали.

– Знаешь, странно, что ты не остался там, где каждый выдумывает что-нибудь такое, прячет в рукаве план спасения мира. А потом вдруг избивает свою жену.

Астиан долго молчал.

– Мы так привыкли. С детства. В школе нам говорили постучать себе по голове. Но стучать по голове соседа – удобнее.

Собеседник Астиана пожал плечами, вздохнул и отправился за вином».

– Нимо спит? – спросила она.

Астиан кивнул.

Она стала подниматься по лестнице. Её вечернее платье легко шуршало.

Титры: «Он давно уже привык врать. Да и она спросила только потому, что так надо. Ей было скучно здесь, в этом сонном доме – как в клетке, как в склепе. Ей – какая пошлость – хотелось немного пожить.

Он много раз говорил ей, что не нужно понапрасну мучить себя. Но всё было бесполезно».

– Он ждал тебя, плакал, – сказал Астиан ей в спину.

Титры: «Зачем было это говорить? Да ещё таким тоном – смешного опереточного мужа. Когда зал взрывается от хохота. Это пошло, жестоко, ни на что не похоже. В твоей жизни не должно быть таких сцен. Сотри сейчас же!»

Она медленно развернулась, стоя на последней ступени. В свете лампы вспыхнули и погасли хрустальные серьги.

– Что ты хочешь сказать? – спросила она почти ласково.

– Ничего, забудь, – он отвёл глаза. Уставился на нелепый светлый ковёр у лестницы.

Титры: «Я сказал глупость. Непозволительную глупость. И если существует ад для защитников – можно считать, что я уже в нём».

– Ещё о чём мне забыть? – её глаза сверкали, как в насто-

ящем кино.

Титры: «(Осторожно: дешёвая мелодрама!) Может быть, о том, что ты меня не любишь? Или о том, что никогда не любил? Может быть, о том, что я плохая мать? Или о том, что ты тоже – не лучший отец?»

– Пожалуйста, не нужно...

Она развернулась, чтобы уйти, но её нога соскользнула, она неловко изогнулась всем телом, стараясь ухватиться за перила – не успела и стремительно покатила по ступенькам вниз. Платье испуганно прошуршало и стихло.

Титры: «Это ты навсегда запомнишь. Это – твоё, забирай!»

Астиан бросился к жене, но увидел только ковёр. Светлый ковёр, на котором так хорошо было видно маленькое алое пятно.

Титры: «Я не виноват, это не я, ЭТО НЕ Я, ЭТОНЕЯ, ЭТОНЕЯНЕЯНЕЯ...»

Хлопок – отключилось электричество, словно кто-то выдернул видеомagnитофон из розетки.

Глава 2

Неурожай яблок

На ярмарку Дня урожая в Тар-Кахол приезжали жители всех окрестных деревень и городков. Крестьяне привозили оранжевые тыквы, похожие на синтийские фонари, мешки сушёной зеленики и терпкий лавандовый сыр, мастера раскладывали перед жителями и гостями города острейшие ножи, незаменимые осенью тёплые плащи с капюшонами, украшения – от бус из речной гальки до причудливых серебряных зверей и птиц с изумрудными глазами, уличные актёры, фокусники, певцы состязались за внимание праздничной толпы. Запахи кофе, корицы и свежего хлеба, мелькание разноцветных лент в волосах, красных карамельных яблок на палочках в руках уставших смеяться детей, улыбки, разговоры на улице – со столицы Шестистороннего Королевства в дни осеннего фестиваля в пору было писать картину счастливого города.

Но Унимо не был бы тар-кахольцем, если бы дал себя обмануть. Он бы расстроился, увидев Тар-Кахол таким – как с открыток, которые студенты Академии изображений рисовали и продавали тут же, на улицах, словно в рассказах путников о «Серебряном городе», которыми они щедро расплачивались за еду и ночлег в отдалённых краях Королевства. Нет, даже в детстве Нимо не верил в эту обманчивую лёг-

кость, с которой жизнь порой кружила на городских улицах. Он чувствовал следы боли, умело запутанные в переулках, видел время, стёртое в пыль мостовых. Когда Нимо читал про Бесконечную войну и осаду Тар-Кахола, он потом ещё долго представлял, как с крепостной стены падают лучники с цепкими перьями стрел в горле, как растёт стена из тел, а враги всё не отступают. И не мог просто наслаждаться прекрасным видом на город, когда отец водил его на смотровую площадку Западных ворот...

Он открыл глаза в реальнейшем и увидел то, что должен был увидеть: нити тревоги, свисающие вместо гирлянд из фруктов с балконов центральных улиц, стянувшие небо в узких переулках, опутавшие город не мягкой осенней паутиной – но смертоносной сетью вероятностей.

– Теперь ты видишь, – прошептала Тэлли, когда они с Унимо, как некогда с Форином, вышли утром из булочной спасать город.

«Булочная Тэлифо Хирунди» – перекошенная табличка провожала кратких постояльцев кротким укором и стариковским благословением.

Став королевой, Тэлли с тяжёлым сердцем перебралась во дворец. Такова была необходимость, которая теперь часто нависала мечом Кодия над её решениями. Но королева Хирунди не продала булочную. С тем же чувством, с которым люди, бывает, хранят свои детские игрушки, она оставила себе ключ от прошлого. И в особо тоскливые или суетливые

времена ночью сбегала из королевского дворца, чтобы пробраться домой, захлопнуть дверь и притвориться, что единственная её забота – это чтобы тесто для утренних пирожков хорошо поднялось.

Оказавшись в темноте булочной, вдохнув запах нежилого – такой непохожий на запах кофе и тёплого дерева, который остался в памяти об этом месте, – Унимо всё равно вспомнил, как начался его путь на Исчезающий остров. Именно здесь он впервые услышал имя Форина – к счастью или нет, до сих пор так и не понял. Впрочем, какое счастье...

Нимо помог хозяйке растопить печь и наотрез отказался подняться наверх, в комнату для гостей, в которой его некогда приютила Тэлли. Сидел сердитой птицей, кутаясь в плащ, словно в последнее прибежище. И не заметил, как в руках у него оказалась глиняная чашка: чай с мятой и зеленичным сиропом. Так он когда-то любил. И королева Шестистороннего помнила это, все двенадцать лет.

Двенадцать лет, которые тянулись для Унимо намного дольше, пока он пестовал своё одиночество длинными ночами на маяке, который не указывает путь ни одному кораблю. Нужно было спросить: «А как ты провела эти двенадцать лет?» Именно поэтому Унимо старательно смотрел в чашку. Чтобы не видеть ничего, кроме радостных ярко-зелёных листочков мяты, которые кружились медленным хороводом.

– Всё так и получилось, как *он* хотел. Я стала королевой, ты – зрителем маяка.

Голос Тэлли был темнотой, что пряталась по углам от нервного огня свечи.

Унимо вспомнил, как они познакомились: у костра, который взвился до неба, когда он, отставной наследник Ум-Тенебри, первый раз попробовал на вкус лакрицу падения в неизвестность. И распробовав, не смог отказаться от этого горького угощения.

– А Грави? Кора? Морео? Нам нужно их позвать, – проворкотал Унимо.

Королева покачала головой. Свеча дрогнула, тень метнулась в угол и замерла там, как мышь.

– Теперь у всех свои дела. Защитить Тар-Кахол – это только наше дело. Даже город нам не поможет. Здесь есть Мэлл – глава Совета – и горожане, которые уже устали от несуществующей магии. Они были бы рады, если бы нас тоже не существовало.

Тэлифо признала это, когда Мэлл по-дружески посоветовал ей никогда не показывать, что она тоже «из этих». «Понимаете, Мэйлири, – улыбнулся Мэлл, – люди любят вас. Но не любят, когда их мир превращают в игру». И Мастер Помощи научилась притворяться. Что не хочет никому помогать – просто исполняет свой долг.

Унимо и Тэлли шли по улице Весеннего Ветра. Медленно, словно жители Дальней стороны, впервые попавшие в столицу. Вертели головами, запоминая волшебство одной из кра-

сивейших улиц города.

Охра осенних листьев ещё мешалась с неаккуратными каплями зелёной краски: деревья городских аллей сражались с холодами до последнего. Ветер крался вдоль мостовых, обнюхивая мокрые камни и стылую землю клумб, не решаясь подняться выше. Статуи в нишах домов кутались в тёмно-серые дождевые плащи, барельефы с неувядающими цветами и неулетающими птицами весной напоминали кладбище, а глубокой осенью, напротив, внушали оптимизм.

Дорога до площади Рыцарей Защитника не могла быть бесконечной. Она стремительно иссякла, как вода из опрокинутого кувшина. Оставалось только смотреть на продрогший фонтан, праздничную толпу, ожидающую представления, и не вспоминать о том, как они с Тэлли и Форином проходили здесь двенадцать лет назад, в последний день Смотрителя в этом мире...

Унимо научился побеждать страх. Точнее, научился сражаться тем оружием, которым располагал. И пока даже можно было рассчитывать на победу в большинстве случаев. Но на этот раз всё было гораздо хуже, чем обычно. Нимо не видел ничего впереди, стоял словно перед огромной белой стеной. И знал, что единственный человек, который мог бы ему помочь, всегда с другой стороны стены.

Возникал соблазн как-то подготовиться, придумать, обсудить *план* – все эти уловки, которые помогают оправдать себя после, когда подсудные проигравшие будут осуждены.

Которые нужны тем, кто допускает возможность поражения.

Реальнейшее не терпело планов (во всяком случае, в том виде, как их понимают в реальном) – это было одним из правил, хранителем которых Нимо теперь являлся. Оставалось только смотреть, как редкое осеннее солнце умывается в жёлто-красной воде фонтана. И чувствовать острое желание затеряться среди осенних листьев. И бороться с этим желанием, как храбрый Диар в сражении с пятиглавым великаном.

Новые и новые невидимые противники появлялись из чёрного омута ожидания встречи с незнакомцем из реальнейшего. Поэтому зритель закрыл глаза и пожелал, чтобы *всё началось*.

– Знаете, что я не люблю больше всего? – голос стекал сверху, но вряд ли хоть один отступник захотел бы признать в нём голос Бога: слишком незавидной была бы тогда судьба людей.

За день до представления небо над площадью Рыцарей Защитника расчертили светло-серые, в тон осеннего неба, тросы, закреплённые на крышах – воздушные дороги для невесомых циркачей.

Унимо послушно поднял голову и увидел, что на канате сидел, беззаботно болтая ногами, он. То есть *он*. Тот, кого не получится не узнать, как бы этого ни хотелось. А рядом стоял удивлённый мальчишка-канатоходец.

– Больше всего я не люблю публику. Падких до зрелищ

простаков. Которые втайне всегда мечтают подсмотреть настоящую трагедию. Ведь так? – произнося эти слова, *он* не шелохнулся. Но мальчишка вдруг опасно пошатнулся и, балансируя на одной ноге, с трудом вернул равновесие. Толпа на площади не позволила себе даже вздоха.

– Прекрати, – тихо сказал Унимо и закрыл глаза.

Тех, кто возносится над морем людей, солёные ветры терзают, океанские птицы оглушают своими криками. Нет жизни там, за пределами волн – только вечный рёв стихии. Пасть на дно, раствориться, мудростью Океана затопить мятущийся разум...

Лёгкий брамсельный ветер пролетел над канатом и скрылся за мачтами труб.

– Эй! – крикнул *он* сверху. – Так нечестно, эта история слишком древняя!

Нимо улыбнулся и пожал плечами. Если человек отказывается от путешествия на Корабле – о чём можно с ним разговаривать в реальнейшем?

Он присмотрелся.

– Мастер Реальнейшего! Вот это встреча! Честно говоря, не думал, что у королевы получится тебя уговорить. Не думал, что без Форина ты осмелишься покинуть маяк.

Что-то ткнулось в ботинок Унимо. Он открыл глаза и посмотрел вниз: блестящее ярко-красное карамельное яблоко, обронённое стоящим рядом малышом.

– Чего ты хочешь? – спросил смотритель, поднимая ябло-

ко. Не отрывая глаз от блестящей карамели с налипшими на неё осенним листом и двойной иглой хвои.

Он не видел, но почувствовал, как сердце Тэлли раненой птицей ухнуло вниз с высоты. И поморщился. Не время переживать предательство. Никому не станет лучше. «Я хочу, чтобы ты не чувствовала себя виноватой», – подумал Унимо и отпустил свою мысль нахохлившимся воробьём.

– В отличие от вас – ничего. Поэтому я сильнее вас всех. Мне ничего не нужно.

– Да, ты только хочешь, чтобы мы все поняли, как тебе больно, – наблюдатель задумчиво крутил в руках липкое яблоко. – Только никому это не интересно.

Он на мгновение перестал болтать ногами – и в ту же секунду мальчишка-канатоходец полетел вниз. Вниз с огромной скалы в море, с башни, с которой сбрасывали преступников, с крыши дома, слишком высокого, чтобы предназначаться для жизни...

Толпа, наконец, выдохнула, а Унимо ударился о вскрикнувшие камни мостовой. Больно, о Защитник, как же больно! Так же, как в тот день, когда Форин не подал руки, когда пришлось разбиться, чтобы никто не подумал, что Смотритель может дорожить кем-то. Нимо был плохим учеником, очень плохим – поэтому он стоял на канате, еле живой от страха, крепко ухватив ледяную руку циркача.

Он присвистнул – видимо, признавая мастерство. «Ты у меня ещё узнаешь. Ты заплатишь мне за всё», – внутри Уни-

мо поднималась волна настоящей злости, и он вовсе не собирался её останавливать.

– Посмотрите, Мэйлири, как трогательно! – *он* отыскал взглядом королеву и заговорил, постепенно ускоряясь и не отрывая взгляда от Тэлли: – А теперь ваш ход: кто-то из них сегодня умрёт. Я так хочу, и так будет. Мальчишка-циркач, который и жизни-то ещё толком не видел. Не видел ничего, кроме этих пёстрых пятен внизу, жаждущих острых ощущений, ожидающих, когда канат неудачно качнётся... или великой Мастер Реальнейшего. Куда нам без него. Ведь его завещал нам сам великий Форин. За неимением лучшего, но всё равно, всё равно. Другого-то у нас нет. Решайтесь, Мэйлири! Или умрут оба! Считаю до трёх: раз...

Унимо хотел было крикнуть «Нет!», но язык не повиновался. Тэлли должна была знать, что нельзя выбирать. Но не могла вспомнить от этом, замороженно наблюдая, как Нимо быстро отпустил руку мальчишки, перехватив его удивлённый взгляд, и шагнул назад, как будто уходя со сцены.

Второй раз нельзя было сделать всё красиво. «Запрет повторений», – один из законов реальнейшего. Сломанные ноги выглядели отвратительно. Боль была огромной и унижительной. «Ты даже упасть нормально без Форина не можешь», – подумал Унимо.

– Ты даже упасть нормально без Форина не можешь, – *он* заслонил осеннее солнце. – Вот. Ты уронил, – *он* протянул яблоко.

Только не поднимать головы. Не дать *ему* прочитать то, что дальше глаз и ушей.

Унимо протянул руку за яблоком. Нож ударил точно в центр, взорвав сладкую красноватую мякоть. Вытирая лицо от яблочных брызг, смотритель улыбался, стараясь, чтобы улыбка не получалась торжествующей – потому что реальнейшее не терпит торжества.

Нимо резко схватил *его* за руку и дёрнул на себя – и они кубарем скатились в пахнущую яблоками темноту...

Трактир у дороги в горах Дальней стороны, обычно пустующий, набит до отказа. Начало осени: тяжёлые корзины переспелых яблок стоят во всех углах. Жар очага, сытный суп, яблоки. Сладкий тёплый воздух жилого, как сидр, ударяет в голову после дорожной прохлады.

Королевские птицеловы празднуют победу: поймали семью шинти. Под видом бродячих артистов шинти разъезжают по Шестистороннему и воруют детей. Все это знают.

Выпито уже изрядно, кто-то предлагает поупражняться в стрельбе. Со смехом говорят про подходящую мишень. Разбойник шинти, который вздумал отстреливаться, когда за ним погнались. Ничего не стоит сказать, что он был застрелен при сопротивлении. Никто не будет возражать. Посетители трактира – жители деревни, из которой пропала девочка.

Разбойника развязывают, ему на голову с хохотом ста-

вят яблоко. Сначала оно падает, но его поднимают и ставят снова. Думают, что это отличная шутка. Но один из офицеров птичников действительно начинает целиться. Мальчишка шинти вдруг поднимается, связанными на запястьях руками вытаскивает из сапога нож и метает его в сторону птичника. Нож пролетает в дюйме от головы стрелка и впивается в стену.

Мальчишку хватают и начинают избивать, но птичник, чудом избежавший смерти, поднимает ладонь, призывая остановиться.

– Что вы, такое мастерство, напротив, должно быть вознаграждено, – говорит он с улыбкой, подходя ближе к шинти. – Предлагаю такую игру: я отпущу вас на все шесть сторон, клянусь Защитником, если ты так же ловко, как в стену над моей головой, попадёшь в это яблоко на голове разбойника.

Мальчишка бледнеет и смотрит на отца. Отец едва заметно, чтобы не уронить яблоко, кивает.

– Я даже развяжу тебе руки. Но, – произносит птичник, выдёргивая нож из стены и с любопытством разглядывая узор на рукоятке, – если ты попадёшь куда-либо, кроме яблока, вы оба и эта девчонка, – он указывает пистолетом на девочку-шинти, которая неподвижно сидит в углу, завесив лицо тёмными волосами, – умрёте.

Нож ему подарил отец на четырнадцатилетие. Рукоятка из чёрного дерева таго, закалённая сталь. Он мог часами тренироваться метать нож, расчерчивая под мишени все деревья

вокруг стоянки. Он уже делал это много раз. Ничего сложного.

Отец ободряюще улыбается.

Яблоко, красное с зеленоватым боком, становится вдруг огромным.

Замирает на мгновение и с глухим стуком падает на пол, катится под стол, оставляя яркий красный след, словно карамельное яблоко на ярмарке Дня урожая...

– Это не я уронил, это ты уронил, – Унимо ласково взглянул на *него*. – Промахнулся, бывает.

Он побледнел. И засмеялся:

– Поверил, да? О, это ведь слишком театрально. Даже для прошлого века. Но никто не хочет знать, *как было*, все хотят знать, *как было на самом деле*. Впрочем, неважно, – нахмурился *он*. – Я хочу, чтобы ты помог мне. Иначе я не отстану от этого города.

Унимо взглянул на *него* удивлённо, предоставляя возможность остановиться на границе. Но *он* уже не хотел ничего замечать.

– Всего лишь одно маленькое исключение из правил реального. Мне нужно то, что принадлежит мне по праву. Мне нужна моя смерть.

– Что готов ты отдать за мою помощь?

– Всё что угодно! – мальчишка смотрит решительно и

прямо. Даже ответ «жизнь» не пугает его. Он ведь действительно готов *на всё*. Глаза его горят, и Мастер с трудом удерживает улыбку.

Кровь на стенах, на деревянном полу – чёрная, смешанная с весенней грязью. Птичники дрожащими руками стреляют друг в друга, надеясь остаться в живых. Но тщетно. Самый меткий мучается дольше всех.

Когда трактир сгорает дотла, мальчишка ещё долго сидит на пригорке, вдыхая волшебный запах гари.

– Ну что, теперь доволен? – спрашивает Мастер, устраиваясь рядом.

Мимо лениво проплывает шмель. Мальчишка срывает и мнёт в руках цветок клевера, хмурится.

– Да, – отвечает он.

– Отлично, – бормочет Мастер, роясь в карманах. Достает красное карамельное яблоко. Протягивает: – Это тебе. А мне отдашь то, чего у человека нет, пока он есть. Если захочешь вернуть, разыщи меня или Мастера Реальнейшего.

Не дожидаясь ответа, он легко сбегает с пригорка. Унося в кармане угли.

Уже на дороге Мастер Смерти оборачивается и машет *ему*.

Если бы ты был Фоорином – настоящим Мастером Реальнейшего, – что бы ты сделал? Унимо видел, как пылает надежда в глазах мальчишки. Но в море реальнейшего этому

пожару не суждено было разгореться.

– Пойдём, – тихо сказал Нимо, поднимаясь и заставляя себя поверить в то, что ноги не были сломаны совсем недавно.

Разумеется, он не покорился. На горизонте вскипала гроза – не те цветочные облака, которые вырастают от самого горизонта каждую весну, а бурая, наполненная злобой туча.

Унимо грёб, стараясь не смотреть на горизонт. Ботинки промокли: волны уже то и дело захлёстывали лодку. Грёб, грёб, грёб. Нимо стал руками, гладкими обводами лодки, криком чайки, улепётывающей от грозы.

Он успел: в тот момент, когда волны с рёвом опрокинули лодку, Унимо уже держал в руках скользкую стеклянную бутылку.

Оказавшись в воде, он отчаянно заработал ногами и одной рукой. Зубами выдернул пробку – почувствовал водоросли, рыбу и дерево, а ещё боль от того, что сжал зубы слишком сильно, – и, отбиваясь от удушающего морского объятия, прочитал: «Тьер».

– Тьер! Тьер! – весело захохотал Унимо. В носу всё ещё щипало от солёной воды и близости опасной глубины, но дело было сделано.

Он остановился. Непонимающе уставился на Мастера Реальнейшего. С обидой ребёнка, которого отругали за то, чего он не делал.

– Ну всё, Тьер, пойдём, – Унимо позволил себе тон победителя.

– Я уничтожу всё, что тебе дорого. Сначала – этот город, улицу за улицей, я... – зашипел Тьер.

День уже давно не был праздничным. И ему пора уже было закончиться, Окло-Ко его забери!

– Довольно! Я хочу, чтобы ты пошёл со мной, Тьер, чтобы ты делал то, что я тебе скажу, чтобы ты не причинял никому вреда, ясно? – прошептал Унимо.

Тьер кивнул. Мысли липли одна к другой, как синтийские сладости. Он не мог вспомнить, почему оказался на площади: он ведь терпеть не может толпу. Знал только, что ему нужно куда-то идти. Вот за этим хмурым молодым таром, который уже сворачивал в сторону Королевского дворца...

Потрескивая, горел камин. Это было очень кстати: Унимо дрожал от холода, даже пересев на пол совсем близко к огню. Его не смущало, что в комнате в тяжёлых бархатных креслах сидели Сейлири и Первый советник.

– Тар Ум-Тенебри, от лица Королевского Совета я хочу выразить вам благодарность за исключительную храбрость, находчивость и самоотверженность, проявленные в деле защиты жителей Тар-Кахола от... неизвестной угрозы, – сбился Мэлл.

Унимо усмехнулся и поёжился. Он чувствовал, как там, за двумя каменными стенами, дрожит от холода «неизвест-

ная угроза». Ощущения двоились – и он не мог уже понять, где его холод становится холодом Тьера, поэтому тянулся к самому огню – за двоих.

– Рад быть полезным Королевству, – отозвался Унимо. – Теперь я могу идти, Мэйлири?

Королева вздрогнула и, виновато взглянув на Мэлла, забралась в кресло с ногами, как в детстве.

– Нимо, ты ведь понимаешь, что мы... что ты... что этот... – совсем не по-королевски начала Тэлли.

– Тьер.

– Тьер, да... очень опасен?

– Ну, кто не опасен, – хмыкнул Унимо, возвращая взгляд в огонь. Хотелось закрыть глаза и молчать, пока огонь уютно хрустит свежей темнотой.

Мэлл откинулся на спинку кресла и переплёл короткие цепкие пальцы.

– Прежде чем уйти, скажите мне вот что, тар Ум-Тенебри. Если сейчас тар... Тьер решит продолжит своё представление и вознамерится выйти из дворца, сможет ли стража его остановить? Задержать?

– Нет, – признал Унимо.

– А вы?

– А я смогу.

– А как, если не секрет? – Мэлл даже подался вперёд, как будто ему действительно было крайне любопытно. – Вы знаете... то, что я слышал. Вы можете просто сказать ему «я хо-

чу...», и он будет беспрекословно подчиняться?

Унимо ещё не встречался с тем, чтобы человек реального пытался разобраться.

– Вовсе не «просто», – пробормотал он.

Мэлл улыбнулся.

– Прошу прощения, тар, за мои профанные домыслы. Но вы, мастера, так не любите рассказывать о своём искусстве, поэтому нам ничего не остаётся, как строить догадки... но вы ведь сами понимаете, что единственный, кто может сдерживать Тьера – это вы?

Унимо хмуро взглянул на Первого советника. Тьеру хотелось завывать – и Мастеру Реальнейшего вместе с ним.

– С меня хватит. Я устал. Я сделал всё, что мог, и я не обязан... – Унимо попытался подняться. Ноги мстительно припомнили два перелома в реальнейшем. Слишком много «я» стучало в ушах.

Мэлл попытался было изобразить, что спешит на помощь, но Унимо быстро и невежливо замахал на него руками, шагнул к стене и неловко сел. Тьер за двумя стенами прислушивался.

– Тар Унимо, вы помните, сколько людей было сегодня на площади? – сразу пошёл в наступление Мэлл. – Многие слышаны о реальнейшем. Для тех, кто хоть что-то знает, Тьер – один из «ваших». И сегодня они лишний раз убедились, как вы опасны.

– Мы опасны, – повторил Нимо.

Да, именно так. Ради игры Флейтист мог уничтожить Гар-Кахол. Да и Форин...

– Нужно показать людям, что мы... – продолжал Мэлл, – что королева может контролировать мастеров.

Людям. Люди стояли на площади, их лица сливались в одно – липкое, карамельное лицо толпы, растянутое в неестественной улыбке. Оно приближалось, раскрывая огромный детский рот с редкими зубами, поглощающий всё на своём пути – чем больше, тем лучше...

Унимо помотал головой, стряхивая мысли Тьера. Нестерпимо хотелось умыть лицо ледяной водой.

– Нимо, – королева опустилась рядом, положила руку ему на лоб.

Мама. Последние дигеты осени. Унимо промочил ноги, гуляя по берегу Кахольского озера. Мама осторожно кладёт руку ему на лоб – и рука кажется ледяной. Она хотела бы покачать головой – «ну я ведь тебе говорила!» – но только бесконечно гладит мокрые волосы Нимо, приговаривая что-то успокаивающее...

Унимо вздрогнул.

– Чего вы хотите от меня?

Просто он устал. Поскорее выбраться отсюда, вернуться на маяк...

– Нимо, мы хотим, чтобы жителям Королевства не угрожала опасность от Тьера. Он непредсказуем и очень силен. Только Мастер Реальнейшего сейчас может сдерживать

его, – призналась Королева.

Когда его жизнь стала такой? Или все самозванцы рано или поздно попадают в эту ловушку?

Унимо вздохнул.

– То есть я должен стать тюрьмой, так? Новая королевская ходячая тюрьма для особо опасных мастеров, да?

Много резких и язвительных слов просилось на язык – а это означало, что он сдался. Можно было бы возмущаться, но он молчал и слушал, как мышью в углу копошится тишина. А потом закричал Тьер – словно зверь, угодивший в капкан: отчаянно, безнадежно. Стоило порадоваться, что новому Мастеру Реальнейшего удалось вызвать такой ужас. Но радоваться чужому ужасу Унимо пока не привык.

– Ну а как же... ваши законы, суд... то есть просто так взять человека и отдать другому человеку. Я ведь могу сделать с ним вообще всё, что захочу, это вы тоже знаете? – Унимо посмотрел на Мэлла, который снимал и надевал перстень с изумрудом и рубином – цветов Шестистороннего.

– Суд приговорил бы Тьера к смерти или к длительному заключению, в зависимости от таланта обвинителя. Но и то и другое неисполнимо, вы знаете. И мы с Сэйлири, разумеется, уверены в том, что вы не станете использовать свою власть больше, чем необходимо.

Уверены они. Вот как.

– И разумеется, я сам объявлю ему решение Сэйлири и Королевского совета, – добавил Мэлл.

Королева как будто собралась что-то сказать, но промолчала.

Унимо встал и, пошатываясь, побрёл к выходу. К горлу подступала та самая тошнота, от которой невозможно было смотреть на людей. Даже на таких, как Тэлли. Тем более на таких, как Мэлл.

– И ещё мы просили бы вас остаться жить с Тьером в Гар-Кахоле. Так мы сможем... при необходимости... убедиться, что всё в порядке, – сказал Мэлл, неожиданно резво догоняя Унимо. – Вы можете выбрать любую из комнат дворца...

– Нет! – Нимо в страхе обернулся.

Он слышал, как бывший главный королевский птичник забирался на башню. Видел, как потом его нашли на мостовых внутреннего двора для прогулок. Короткая получилась прогулка.

Он знал, почему прежний король сошёл с ума. И почему Тэлли такая бледная.

Поэтому – нет, он не останется во дворце.

– Если хочешь, можешь жить в булочной. Там ключи за окном справа от двери, – предложила королева.

Нимо поспешно кивнул. Главное – не во дворце.

Они вышли.

Унимо пошёл вперёд. Ему не нужно было искать Тьера: поворот, ещё поворот, лестница вниз, дверь... Чутьё охотника вело его, как исправный компас. Чужое ещё вчера чутьё – никогда не был Унимо охотником, ненавидел их всей душой.

– Пойдём, – дёрнул подбородком, не смотря на дрожащего от холода Тьера, который успел запугать королевских стражников: вон как они обрадовались, завидев лори Мэлла и этого странного молодого тара.

– Тар... Тьер, – заговорил Первый советник, – за ваши преступления против подданных Шестистороннего вы будете находиться под надзором тара Ум-Тенебри.

«Под надзором, надо же», – отстранённо подумал Унимо.

– До тех пор, пока ваше поведение... не будет свидетельствовать о том, что вы не представляете опасности, – закончил Мэлл.

– А когда он умрёт? – спросил Тьер, поднимаясь по стене. Бледный, худой, жалкий мальчишка.

– Кто умрёт? – насторожился Мэлл.

– Ну, ваш тюремщик. Не вечно ведь он будет жить. Он умрёт, а я-то останусь, – любезно пояснил Тьер, растирая затёкшее плечо.

– О, не беспокойтесь, мы что-нибудь придумаем. Пока слушайте тара Ум-Тенебри и ведите себя хорошо. Если у вас будут жалобы, то можете отправлять их в Королевский дворец по почте, мы изучим и направим вам ответ в установленные сроки, – Мэлл ласково улыбнулся (Унимо против воли восхитился самообладанием Первого советника: в это время Тьер смотрел на него настоящим волком). – А сейчас мне пора возвращаться к Сэйлири. Ещё раз благодарю вас, тар Ум-Тенебри, вы всегда можете рассчитывать на мою по-

мощь, – Мэлл поклонился Унимо и с неожиданной лёгкостью взбежал по крутым ступенькам. Только его тень запоздало мелькнула в свете факелов стражников.

– Ну вот, ушёл, а как же последнее желание? – покачал головой Тьер.

– Ты перепутал. Последнее желание полагается *приговорённым к смерти*, – прошептал Унимо. И улыбнулся.

Несомненно, эту улыбку Тьер ему припомнит при первой же возможности. Главное теперь, чтобы у него такой возможности не оказалось.

Ранний вечер уносил лодку осеннего дня в открытое море ночи. Холодный, с запахом листьев на мокрых камнях, вечер поселился в городе.

Унимо вышел из дворца, быстро пересёк Дворцовую площадь и выбрался на улицу Университета. Редкие прохожие возвращались с праздника: несли домой карамельные яблоки, ленты, улыбки и смех. Наверняка это были не те, кто праздновал на площади Рыцарей Защитника. Хотя Унимо и попытался наскоро смазать воспоминания о безобразном представлении, полностью это ему не удалось. Горожане успели почувствовать *страх* – тот, от которого неприятно выходить на улицу, от которого нервно оборачиваешься и спешишь выбраться из мирной праздничной толпы. Страх, который отделяет тебя от камней мостовой, на которой ты спотыкался ещё ребёнком, от нежных вечерних огней го-

рода, от мира. Тьер, на самом деле, выиграл. Он выпустил вечно голодного зверя рыскать по улицам Гар-Кахола.

Унимо нахмурился и покосился на своего спутника: Тьер следовал за ним, как верный оруженосец, на шаг позади за левым плечом. Конечно, эта покорность была обманом: Нимо чувствовал глухое сопротивление своей воле, но не слишком упорное – Тьер благоразумно решил побереечь силы. Сейчас Мастер Реальнейшего победил, они оба это знали. Но всё могло поменяться. Реальнейшее непредсказуемо, как погода в Островной стороне.

Дорога к булочной Тэлли вела через центральную площадь Всех Дорог, мимо подсвеченного белыми огнями, уходящего в темноту осеннего неба Собора Защитника, через паутину переулков улицы Горной Стороны. В одном из таких переулков Унимо, мысленно сидевший на окне маяка, услышал резкий хлюпающий звук удара и вздрогнул. Конечно, он не должен был так пугаться: Мастеру Реальнейшего вообще не положено бояться. Тем более удара яблока о стену: Тьеру под ноги попало карамельное яблоко, видимо, обронённое кем-то из праздничной толпы, испачканное в осенней грязи, с помятым боком. И Тьер изо всех сил пнул его, и оно, набрав скорость, врезалось в каменную стену дома – одного из тех, что застыли в трёх шагах друг от друга, оставив людям узкий проход переулка. Камень оказался прочней – и несчастное яблоко разлетелось красными брызгами. Брызгами ненависти Тьера к этому наглому городу, в котором каждый день

умирали люди.

Унимо обернулся и шагнул к своему пленнику. Тот уже понял, что дело плохо, и попытался раствориться в стене. Но, конечно, ему это не удалось. В этом городе ему ничто не поможет, даже камни, обречённые вечности, как он сам.

Солёная волна ненависти затопила Унимо. Своей и чужой. В ней были страх за Тэлли и картины унижительного представления в театре, отрешённый взгляд мальчишки-канатоходца, да и боль от перелома ног – эта ненависть жила, требовала своей формы, жаждала воплотиться. Он хотел ударить Тьера. Разбить, как яблоко, его беззащитное лицо с полными ужаса глазами. Но не смог. Всё его воспитание в доме Ум-Тенебри встало на дыбы. И тогда он сделал хуже: он заставил Тьера снова целиться в яблоко на голове отца. Минуту, а может, дольше – снова пережить всё это, только ещё мучительнее – зная финал.

Чувствовать, как дрожат руки, тщетно стараться дышать ровно, убеждать себя, что всё получится... и главное – не смотреть ниже, в лицо отца (благодарение Защитнику, он догадался закрыть глаза!), смотреть только на яблоко, красное с зелёным, в цветах Королевства...

– Ненавижу тебя, ненавижу! – рыдал Тьер, скорчившись в грязи переулка.

Пошёл колкий осенний дождь, длинный, заунывный, беспросветный.

– Во всяком случае, это взаимно, – пробормотал Унимо,

усаживаясь рядом.

Его гнев исчез. Сквозь усталость и болезненный озноб он равнодушно отметил, что превращается в чудовище. «Не станете использовать свою власть больше, чем необходимо», – о, нет, лори Первый советник, что вы! Разумеется, никогда.

Эпизодий второй

Капитан Форин, капитан фрегата «Неустрашимый».
Мимтер Эо, первый лейтенант фрегата «Неустрашимый».
Матросы фрегата «Неустрашимый».

Палуба фрегата «Неустрашимый».

Северное море. Широта: 56°47'37.1"N Долгота: 2°52'2.8"E

«Неустрашимый» идёт курсом норд-тень-ост. Вдалеке виднеется эскадра Звёздного флота. Капитан Форин стоит на баке и смотрит в подзорную трубу.

На бак поднимается первый лейтенант.

Первый лейтенант Эо. Сэр... простите, что прерываю. На этом курсе, если ветер не зайдёт, через четверть часа мы столкнёмся нос к носу с их флагманом. Прикажете отвернуть?

Капитан Форин (*не оборачиваясь*). Нет.

Первый лейтенант Эо (*переминаясь с ноги на ногу, в нерешительности*). Сэр?

Капитан Форин (*складывая подзорную трубу*). С каких это пор в славном Королевском флоте «нет» капитана требует пояснений?

Первый лейтенант Эо. Да, сэр... простите, сэр. (*Достаёт часы.*) Через десять минут мы столкнёмся с самым большим кораблём Звёздного флота. Если они не уничтожат нас раньше.

Капитан Форин (*прячет руки в карманы, затем вынимает*). О нет, не думаю. Им будет интересно наблюдать. Но потом, когда мы будем угрожать их носовой фигуре, они, конечно, потопят нас одним залпом. (*Оборачиваясь.*) Не уходите? Хотите всё-таки знать, для чего мы умрём? Какое малодушное желание для офицера Королевского флота! Впрочем (*Форин шагает в сторону первого лейтенанта, тот отступает.*), у вас могут возникнуть подозрения, что я сошёл с ума. Где это... А, вот же. (*Достаёт из-за пазухи мятые листы бумаги с золотистой печатью, протягивает их Эо.*) Видите, у меня приказ. Совершенно секретно! Читайте же!

Первый лейтенант Эо читает приказ.

Первый лейтенант Эо (*шёпотом*). Это невысказано... Негодяи.

Капитан Форин. Вы имеете в виду лордов, мистер Эо?

Оскорбление вышестоящих офицеров, не помню какой пункт устава. Но там точно расстрел и отдача на съедение пираньям. (*Смеётся.*) Но не беспокойтесь, я никому не скажу.

Первый лейтенант Эо (*в волнении*). Но ведь это безумие! И главное, безо всякой пользы. Бессмысленность и глупость! Нам всё равно не победить.

Капитан Форин. Конечно. Но зато в газетах напишут, что Королевский флот героически сражался с превосходящими силами противника. *Героически* – вы понимаете, что это значит? Вот эту часть, это наречие и поручили нам.

Первый лейтенант Эо (*качая головой*). Ладно мы. Но матросы.

Эскадра Звёздного флота уже хорошо видна. Матросы на главной палубе недоумённо переглядываются.

Первый лейтенант Эо. Я думаю, вы должны сказать речь.
Капитан Форин. Вы думаете? Ну что ж, я попробую.

Капитан взбирается на руслень и, держась за ванты, машет рукой, привлекая к себе внимание.

Капитан Форин. Сograждане! Позвольте мне обращаться к вам так, потому что сейчас, в этот самый момент, родина смотрит на нас с умилением...

Скоро мы станем просто кусками мяса в этом крепком холодном бульоне. Я, это именно я отправлю вас на смерть, и только для того, чтобы меня не обвинили в трусости и нарушении приказа. Звёздный флот расстреляет нас, как загнанных на опушку лис в старинной охоте. Но делать нечего. Так всё устроено здесь. И пока есть немного времени, я могу сказать вам, что вы не обязаны это терпеть. Вы можете делать, что хотите. Понимаете? Но что же вы, пойдёте на убой, как стадо? Сколько стоят ваши жизни? Неужели не больше, чем моё тщеславие?

Первый лейтенант Эо усмехается, отбирает у капитана подзорную трубу, идёт на нос и направляет её в сторону вражеского флагмана.

Капитан Форин. Ну что же вы, в самом деле, что же...

Матросы безмолвствуют.

Письма из Комнаты

Письмо второе (немного обгорело внизу справа)

Я как Робинзон, только у меня нет этой спасительной уверенности в силе человеческого разума. Я не могу разделить листок на «хорошо» и «худо», чтобы тут же не запутаться. Я не испытываю радости созидания, покорения, приручения.

Так что я скорее как Пятница – в тот момент, когда он спрашивает, почему всемогущий Бог заносчивого чужака допускает зло. И не получает ответа.

Хотя зарубки мне очень пригодились бы – жаль, что я не начал отмечать дни, хотя бы по своим ощущениям. Сначала время стояло мутным аквариумом с мёртвыми рыбками: было ясно, что за ним никто не присматривает, но почему и как долго – этого я понять не мог.

Теперь я научился делить время на мои привычные утро-день-вечер. Только ночь остаётся за скобками: она наступает сама по себе. Когда я сажусь на тахту и закрываю глаза. Когда спотыкаюсь о торчащую дощечку старого паркета – всегда одну и ту же – и падаю на пол, а темнота падает сверху.

Чтобы наступило утро, нужно встать и идти. Свет здесь не даётся просто так, как пропитание птичкам в подлунном мире. Здесь нужно ткать и прясть, чтобы просто ходить по кругу. Как и всегда, впрочем: ткать и прясть время, обматываться им и поджигать. Чтобы оно каждый раз вместе с тобой сгорало без остатка. Ёлочка, гори!

Чем бы поджечь время?

Поднести руку к свече.

Кассета номер 2037.

Почему бы и нет?

Звук видеокассеты в магнитофоне.

Защитник шёл по мостовой Тар-Кахола. Светило солнце, пели птицы. Деревья тихой аллеи стояли именинниками, как в последние дигеты весны. Ласточки передавали приветы всем-всем-всем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.